

Моя сторона дела, Труман Капоте

Truman Capote. My Side of the Matter

(1945)

Я знаю, что говорят обо мне и вы можете занять любую из сторон, дело ваше. Тут слово идет против слова, мои слова против слов Юнис и Оливии-Анн, но любому нормальному человеку должно быть понятно, на чьей стороне пахнет лисятиной. Я только хочу, чтобы граждане США знали факты, вот и все.

Факты: в воскресенье, 12 августа, сего года от Рождества Христова, Юнис пыталась мечом ее папаша, времен Гражданской Войны, заколоть меня, а Оливия-Анн весь воздух перемесила четырнадцатидюймовым тесаком для свиней. Это еще не говоря о многих других вещах.

Началось все шесть месяцев назад, когда я женился на Марш. Это было первой моей ошибкой. Мы венчались в Мобайле, будучи знакомыми лишь четверо дней. Нам обоим было по шестнадцать и она гостила у своей кухни, Джорджии. Теперь-то, когда у меня полно времени для раздумий, мне просто в голову не лезет, как я на подобное чудо мог запасть. Красоты в ней нет – ни тебе тела, ни каких бы то ни было мозгов. Но Марш – натуральная блондинка, может в этом все дело. В любом случае, три месяца спустя ей вдруг приспичило забеременеть. Второй мой промах. Она начала вопить, что ей нужно домой к маме – а мамы никакой у нее нет, только две эти тетки – Юнис и Оливия-Анн. И вот она заставляет меня оставить довольно выгодную должность клерка в универмаге Кэш-Н-Кэри и переехать в эту дорожную дыру – Адмирал Милл. Дыра, как ни взгляни.

В день, когда Марш и я сошли с поезда на станции L&N, дождь лил как из ведра, и что вы думаете, хоть кто-нибудь пришел нас встретить? А я еще выложил кровных 42 цента на телеграмму! Жена моя беременна, а нам приходится плестись в такой ливень целых семь миль. Это плохо сказалось на Марш, ведь по причине сильных болей в спине, я был лишен возможности нести пожитки. Когда я впервые увидел сам дом, признаюсь, я был впечатлен. Большой, желтый, впереди большие колонны, а по периметру двора – красные и белые камелии.

Юнис и Оливия-Анн увидели, как мы идем, и ждали в холле. Клянусь, хотел бы я показать вам этих двоих. Вы бы, ей-богу, умерли! Вот толстая старушенция – это Юнис, и зад у нее с виду потянет на центнер. Что дождь, что снег – бороздит по дому в своем «кимоно» – а это самая настоящая старомодная ночнушка, кимоно и рядом не лежало, грязная такая фланелевая ночнуха. Более того, жует табак, но строит из себя леди, сплевывает тайком. Постоянно болтает, какое высокое у нее образование – пытается испортить мне настроение, хотя меня персонально это ни капли не волнует, ведь я знаю – она не может прочесть комикс, и это факт – без выговаривания вслух каждого отдельного слова. Одного у нее не отнимешь – она может складывать и вычитать деньги с такой быстротой, что ей следовало бы работать в Вашингтоне, округ Колумбия, где печатают это дело. Не то чтобы у нее самой не было кучи денег! Она, естественно, говорит, что нет, но я-то знаю, что есть, потому что однажды случайно обнаружил почти целую штуку в цветочном горшке на боковой веранде. Я ни взял ни цента, хотя

Юнис говорит, будто я стянул одну сотенную банкноту, что является гнусной ложью от начала и до конца. Конечно, все, что говорит Юнис – это приказ главнокомандования, ведь ни одна живая душа в Адмирал Милл сказать не посмеет, что не задолжала ей денег, и если она заявит, что Чарли Карсон (слепой девяностолетний инвалид, не сделавший ни шагу с 1896 года) швырнул ее на спину и изнасиловал, любой в нашем графстве подтвердит это на стопке Библий.

Что до Оливии-Анн, то она еще хуже, и это правда! Разве что меньше, чем Юнис, действует на нервы, потому что от рождения слаба на голову и ей следовало бы жить взаперти на чьем-либо чердаке. Бледная как лист, костлявая и носит усы. Весь день она сидит на корточках то тут, то там, и вырезает чего-то своим четырнадцатидюймовым ножом для разделки свиней. Если же нет – значит, затевает что-либо бесовское, вроде той проделки с Мисс Гарри Стеллер Смит. Я поклялся никому не говорить об этом, но после того как твою жизнь пытаются прервать так нагло, к черту все обещания, говорю я.

Юнис прозвала свою канарейку Мисс Гарри Стеллер Смит в честь женщины из Пенсаколы, чье домодельное средство от всех болезней она принимает от подагры. И вот в один прекрасный день до меня доносится этот жуткий шум из гостиной и что я обнаруживаю? Оливия-Анн гонит Мисс Гарри Стеллер Смит метлой в сторону открытого окна, и дверца клетки тоже распахнута настежь! Войди я мгновением позже, и птичку было бы уже не поймать. Она испугалась, что я расскажу Юнис, и выболтала все сразу – нечестно, говорит, держать создание Божье в клетке, и кроме того, она терпеть не может пения Мисс Гарри Стеллер Смит. Тогда я вроде как пожалел ее и она поделилась двумя долларами, после чего я помог ей состряпать историю для Юнис. Конечно, я бы не принял денег, только я подумал, что это поможет облегчить её совесть.

А вот вам первые слова Юнис, едва я ступил за порог их дома.

«И вот из-за этого», – говорит, – «ты, Марш, сбежала и вышла замуж за нашими спинами?»

Марш в ответ: «Правда ведь, он самый смазливый из всех, тетя Юнис?»

Юнис окинула меня – глаза вни-и-з... потом вве-е-ерх... и говорит: «Скажи ему, чтоб развернулся».

И пока я стою спиной к ним, Юнис говорит: «Ты, видать, выбрала самого мелкого поросенка из целого хлева. Ведь это и на мужчину-то не походит».

Никогда в жизни меня так не оскорбляли! Хоть я и вправду немного полноват, но я просто еще не набрал полный рост.

«А вот и нет – походит.» – отвечает тем временем Марш.

Оливия-Анн, которая все стояла, широко разинув свой рот, что твой аэропорт для мух, говорит: «Ты же слышала свою сестру. Он никакой и не мужчина. Подумать мне – бегаешь везде со своим пяточком, за мужчину хочешь сойти! Ведь он даже не мужского полу!»

Марш в ответ: «Ты очевидно забываешь, тетя Оливия-Анн, что это мой муж, отец моего будущего ребенка.»

Тут Юнис издает свой коронный мерзкий звук и говорит: «Ну, что сказать, — я бы точно не стала хвастаться этим.»

Ну разве это не теплый прием? После того, как я сам оставил такую замечательную позицию клерка в Кэш-Н-Кэри.

Но это даже не капля в море по сравнению с тем, что вышло под вечер. После того, как Блюбелл убрала со стола, Марш самым вежливым тоном попробовала одолжить автомобиль, чтобы мы могли съездить на киносеанс в Феникс.

«Ты должно быть не в своем уме» — отвечает Юнис. И голос у нее, не соврать — будто с нее сдирают последнее кимоно.

«Ты должно быть не в своем уме» — вторит Оливия-Анн.

«Уже шесть, и если ты,» — говорит Юнис, — «думаешь, что я дам этому пятаку сесть в мой Шевроле 1934 года, почти-как-с-иглолки, и доехать хотя бы до уборной и обратно, ты точно не в своем уме.» Естественно, подобное обращение вызвало слезы у Марш.

«Не волнуйтесь,» — говорю, — «милочка. Я за баранкой Каддилака нема-ало отсидел в свое время.»

«Хм!» — говорит Юнис.

«Уггм.» — говорю я.

Юнис заявляет: «Да если он был хотя бы за баранкой плуга, я съем дюжину сусликов, зажаренных в скипидаре.»

«Я не потерплю таких манер обращения с моим мужем», — говорит Марш. «Вы просто дикарки! Ведете себя, словно я привела в дом совершенного незнакомца невесть откуда.»

«Знает кошка, где раки зимуют!», — это опять Юнис.

«Не думай, что сможешь водить нас за хвост!», — ревуший голосок Оливии-Анн настолько напоминает брачные крики осла, что их легко спутать друг с другом.

«Знаешь, мы сами не за амбаром родились,» — говорит Юнис.

Марш серьезно отвечает: «Я предоставляю вам понять, что я официально, пока смерть не разлучит нас, жената на этом человеке, что заверено мировым судьей, от такого-то числа, что есть три с полтиной месяца. Хоть кого спросите. Учтите, тетя Юнис, он белой расы, в рабстве не был, ему шестнадцать лет. Более того, Джордж Фар Сильвестр не желает слушать таких манер обращения с его отцом.»

Джордж Фар Сильвестр – имя, которое мы решили дать малышу. Звучит внушительно, не правда ли? Только вот при текущем раскладе дел мне это решительно безразлично.

«Разве может девушка иметь ребенка от другой девушки?», – наносит удар Оливия-Анн, пытаюсь ранить мою мужскую честь. «Ну, скажу я вам, каждый день приносит что-то новое.»

«Успокойся же», – говорит Юнис. «Давайте не будем больше говорить про этот фильм в Фениксе.»

«Но там же Джуди Гарланд..» – всхлипывает Марш.

«Не волнуйся, милая», – говорю я, «Я наверняка его уже видел в Мобайле десять лет назад.»

«Это преднамеренная ложь», – кричит Оливия-Анн. «Ах ты мерзавец этакий. Десять лет назад Джуди еще не снималась.» Оливия-Анн не посмотрела ни одной картины за все свои пятьдесят два года (она никому не скажет, сколько ей лет, но работники Капитолия в Монтгомери были очень любезны и ответили на мое письмо), что не мешает ей выписывать восемь альманахов о кино. Если верить начальнице почтового отделения Деланси, так это все, что она получает, за исключением каталога товаров от Сирз. Её любовь к Гари Куперу принимает жуткий оборот – два сундука и чемодан уже забиты его фотокарточками.

Когда мы вышли из-за стола, Юнис подвалила к окну, поглядела на сирень и говорит: «Птицы укладываются в гнезде, пора и нам на покой. Ты, Марш, иди в свою старую комнату, а джентльмену я разложила раскладушку на задней веранде.»

Это вырубало меня на целую минуту.

«Не сочтите за дерзость», – говорю я, – «но по какой причине мне не дозволяется спать со своей законной женой?»

После этого они обе принялись вопить на меня.

Марш не выдержала и сорвалась, прямо при них. «Тихо! Тихо! Тихо! Я больше так не могу. Ну же, пупсик – послушай их и ложись где они хотят. Завтра мы посмотрим..»

Юнис говорит: «А я-то что и говорю, умная же как-никак моя девочка.»

«Бедняжка», – говорит Оливия-Анн, а сама руку ей за талию и тащит. «Бедняжечка, такая молодая, такая невинная. Ну пошли, выплачемся на плечике у тети Оливии.»

Весь май, июнь, июль и большую часть августа я ютился, изнемогая в жару, на чертовой задней веранде, открытой, без намека на сетку. И что же Марш – она ни разу даже рта не раскрыла! Москиты в этой болотистой части Алабамы буйвола готовы сожрать, если тот чуть зазеваается, не говоря уже об опасных летающих тараканах и табунах местных крыс, таких больших, что если их запречь в обоз, они дотянут его отсюда до Тимбукту. О, если бы не

наш ожидаемый малыш Джордж, я бы давно был в дороге, оставляя им только пыль из-под колес. Хочу сказать, что с первого вечера мне и пяти секунд не довелось побыть наедине с Марш. Не одна, так другая всегда при ней, а на прошлой неделе они готовы были стены бить, когда Марш заперлась в своей комнате, а меня было нигде не доискаться. Если честно, я все это время смотрел, как ниггеры пакуют хлопок, но я нарочно дал понять Юнис, что мы с Марш не провели время зря. После чего к дежурству была привлечена Блюбелл.

За все это время я не видел от них даже мелочи на сигареты.

День и ночь Юнис грызет меня по поводу работы. «Почему бы маленькому дикарю не пойти да не найти себе приличную работу?», — говорит она. Как вы наверное заметили, она никогда не обращается ко мне лично, даже в тех преобладающих случаях, когда в присутствии их величества нахожусь я один. «Если бы он был из того сорта мужчин, которых можно назвать мужчинами, он бы девочку постарался накормить, а не себя трамбовать с наших припасов.» Я думаю, вы должны знать, что я прожил все три месяца и тринадцать дней почти исключительно на холодном сладком картофеле и остатках овсянки и дважды был на приеме у доктора Н. А. Картера. Он не уверен точно, болен ли я цингой или нет. А что до того, что я не работаю, хотел бы я знать, что человеку с моими способностями, человеку, познавшему великолепие работы клерком в Кэш-Н-Кэри, может предложить такой клоповник, как Адмирал Миллс? Все тут одним мылом мазаны — магазин-то один — а его владелец, мистер Таббервиль, так ленив, что просто боль испытывает от необходимости что-то продавать. Имеется тут баптистская церковь под названием «Утренняя Звезда», но священник у них уже есть, жуткое старое дерьмо, зовут Шелл. Как-то Юнис притащила его проверить мою душу на предмет спасения. Он сказал ей, что я зашел слишком далеко, я это своими ушами слышал. Но все это просто цветочки по сравнению с тем, что Юнис учинила с Марш.

Девочка была обращена против меня самым гнусным из всех неопишуемых способов. До чего дело дошло — она вздумала на меня огрызаться, но я прописал ей пару хороших шлепков и положил этому конец. Ни в жизнь не позволю какой-то жене грубить со мной! Итак, позиции противника преобладают: Блюбелл, Оливия-Анн, Юнис, Марш и все остальные жители Адмиралс Милл (население 342 чел.) Союзники: отсутствуют. Такой была обстановка на воскресный день 12 августа, когда попытка покушения чуть не прервала мою жизнь.

Вчерашний день начался таким штилем, что от жары камни плавилась. Проблемы начались ровно в два часа пополудни, я это точно помню — спасибо Юнис и её дурацкому паровозу с кукушкой, который всегда меня до смерти пугает. Никому не мешая, я сочинял песню на пианино в гостиной. Пианино это Юнис купила для Оливии-Анн, а еще наняла ей учителя, и тот каждую неделю тащился аж из Колумбуса, штат Джорджия. Начальница нашего почтового отделения, Деланси, которая была моим другом, пока не решила, что дружить со мной может быть довольно опрометчиво, рассказывала, как в один день утонченный корифей не выдержал и рванул из дому, будто за ним гнался сам старина Гитлер. Завёл он свой форд-купе, и больше о нем не слышали. Так вот, никому не мешая, я спасаюсь от жары в гостиной, и тут раздаётся цоканье Оливии-Анн. Влетает она в комнату, бигуди торчат во все стороны, и визжит: «Сейчас же прекратить этот адский шум! Ни минуты

отдыха человеку не даст! И быстро пулей вылазь с моего пианино. Это не твое пианино, это мое пианино, и если ты не вылезешь с него быстро пулей, будешь у меня в суде в первый же понедельник сентября.»

Это она так визжит не с чего-то там, а исключительно на том основании, что я прирожден быть музыкантом и из головы сочиняю великие песни.

«И только посмотрите, мистер Сильвестр, что вы сделали с моими клавишами из слоновой кости,» — говорит она, подруливая к пианино, — «почти все с корнем вырвали, и все по чистой подлости, вот как, вот что вы сделали.»

Она прекрасно знает, что в тот момент, когда я появился в этом доме, пианино уже годилось на свалку.

Я отвечаю: «А вы, как я вижу, всезнайка, мисс Оливия-Анн. Тогда вам должно быть интересно, что у меня есть тоже несколько баек в запасе. Возможно, людям будет очень любопытно узнать пару вещей. Ну, например, о том, что случилось с миссис Гарри Стеллер Смит.»

Помните миссис Гарри Стеллер Смит?

Она остановилась и бросила взгляд на пустую клетку. «Вы же дали мне клятву», — говорит, и побагровела в самых жутких тонах.

«Может быть, дал, а может быть, и нет», — говорю. «Вы совершили очень плохой поступок, когда предали Юнис, но если некоторые люди оставят других людей в покое, тогда может быть я не замечу этого.»

И что же, она вышла из комнаты тихая и спокойная как никогда. А я пошел и растянулся на софе, которая представляет собой самый ужасный предмет мебели из всех, что я видел, — в 1912 году в Атланте Юнис выложила за весь комплект две тысячи долларов наличными — по крайней мере так она говорит. Комплект этот обтянут черным и оливковым плюшем и воняет, будто мокрые куриные перья в дождливый день. В одном из углов гостиной стоит большой стол, а на нем на восседают два портрета — мама и папа Юнис и Оливии. Папа вроде как красивый, но я убежден — только между нами — что есть в нем откуда-то черная кровь. Он был капитаном в Гражданскую Войну, и этого я никогда не забуду, вследствие его меча, который красуется над камином и играет важную роль в последующих событиях. У мамы то же выражение побитой собаки, то же полоумное лицо, что и Оливии-Анн, хотя я должен сказать, мама переносит это с большим достоинством.

Так вот, едва я задремал, как слышу рев Юнис: «Где он? Где он?!» И в следующий момент эта бегемотина уже перекрывает собой дверной проем, руки в боки, а вся остальная шайка теснится позади неё: Блюбелл, Оливия-Анн и Марш.

На несколько секунд она застыла в гневе, со всех сил тарабаня голой старушечьей ножкой по полу и обмахивая свое грузное лицо картонной карточкой с ниагарским водопадом.

«Где они?», — говорит. «Где мои сто долларов, которые он умыкнул за моей доверчивой спиной?»

«Так вот она, последняя соломинка, которая сломала спину верблюду», — устало протянул я, не в силах подняться из-за жары.

«Не только верблюду можно сломать спину», — отвечает она, выкатывая свои глазищи так, что те чуть не выскочили наружу. «Это мои похоронные деньги, и я их верну. Не знали, что этот решится и мертвого обворовать?»

«Может быть, он их не брал», — говорит Марш.

«А вы помалкивайте, мисси», — говорит Оливия-Анн.

«Он мои деньги украл, ясно как день», — говорит Юнис. «Вы в глаза ему посмотрите — черные от вины!»

Я зевнул и промолвил: «Как говорят в суде — если одна сторона возлагает ложные обвинения на другую сторону, то первая сторона может быть заключена под стражу, даже если в интересах защиты всех заинтересованных сторон надлежало бы передать первую сторону под присмотр и опеку государства.»

«Бог накажет его», — говорит Юнис.

«Ах, сестрица,» — говорит Оливия-Анн, — «давай не будем дожидаться Бога.»

Словно по сигналу, Юнис делает чрезвычайно странные глаза и идет в наступление, рывками подволакивая за собой по полу грязную ночнушку. Оливия-Анн маячит чуть позади, а Блюбелл издает стон такой силы, что эхо наверняка донесло до Юфалы и обратно. В это время Марш хнычет неподалеку, заламывая руки.

«Ну пожалуйста, пупсик,», — всхлипывает она, — «отдай ты ей эти деньги.»

«И ты, Брут?», — отвечаю. Это как у Вильяма Шекспира.

«Вы посмотрите на него», — говорит Юнис, — «валяется целый день по диванам, а как работать — так нет, даже марки почтовой не лизнет».

«Позор, позор» — кудахчет Оливия-Анн.

«Можно подумать, что ждет ребенка именно он, а не бедная наша девочка», добавляет Юнис.

И Блюбелл вставляет свои две копейки: «И то правда.»

Я им говорю: «Что, захотелось кривым рожам на зеркало попенять?»

Юнис в ответ: «Как только у этого пятака наглости хватает клеветать на меня, в чьем доме он прохлаждается уже три месяца?»

Ничуть не смутившись, я лишь смахнул пепел с рукава и хладнокровно заметил: «Доктор А. Н Картер проинформировал меня, что у меня опасный

приступ цинги, и мне абсолютно противопоказано волноваться – в противном случае я не отвечаю за пену изо рта и, возможно, укусы.»

Тут опять вступает Блюбелл: «Почему бы ему не вернуться к его отребью в Мобайл, мисс Юнис? Мочи моей больше нету этот срам выносить.»

Меня, понятно, взбесило такое обращение от черного как смоль ниггера. В глазах моих потемнело от злости.

Спокойный как слон, я поднялся, достал зонт со шляпной вешалки, и прошелся по её голове так, что тот в конце концов разломился напополам.

«Мой настоящий японский зонтик!» – вскричала Оливия-Анн.

«Ты убил Блюбелл!» – кричит Марш – «Ты убил бедняжку Блюбелл!»

Юнис подталкивает Оливию-Анн и говорит: «Он совсем свихнулся, сестричка! Беги! Беги, позови мистера Таббервила!»

«Не пойду я за мистером Таббервилем» – упрямится Оливия-Анн. «Я схожу за своим тесаком.» И она кинулась к двери, но я, презрев опасность смерти, уложил её, знаете, таким блокирующим захватом. При этом я довольно сильно растянул спину.

«Он убьёт её!» – вопль Юнис сотряс весь дом. «Он же нас всех убьёт! Я тебя предупреждала, Марш. Поторопись, детка, достань папин меч!»

Марш достает папин меч и отдает его Юнис. Говорите после этого о женской преданности! И будто этого недостаточно, Оливия-Анн врезала мне по колену так, что я отпустил свой захват. Пару секунд спустя со двора донесся ее ревуший голос, вытягивающий строки гимнов.

[боевой гимн американской республики]

Пока Юнис выписывала по полу фигуры пилотажа, яростно рубя воздух Папиным Мечом, я кое-как сподобился забраться на пианино. В ответ Юнис влезла на табурет, и не ждите от меня ответа на вопрос, как хлипкая вертушка-безделушка не рухнула под весом подобного монстра.

«Слазь оттуда, ты, жалкий трус, пока я не проткнула тебя насквозь», – говорит она и делает выпад мечом. Царапина в полдюйма является тому свидетельством.

К этому моменту Блюбелл очухалась и ускользнула во двор, чтобы присоединиться к песнопениям Оливии-Анн. Думаю, они готовились принять мое тело, и знает Бог, они бы его получили, если бы только Марш не свалилась в обморок.

Это все, что я могу сказать в пользу Марш.

Я не могу точно припомнить, что случилось дальше, кроме того, что Оливия-Анн вернулась со своим длинным ножом и кучей соседей впридачу. Но внезапно звездой вечера стала Марш, и я полагаю, ее понесли в ее комнату.

Так или иначе, как только они покинули меня, я забаррикадировался в гостиной.

В дело пошли и кресла, обитые черным и оливковым плюшем, и тот большой двухтонный столик из красного дерева, и вешалка для шляп, и еще много всякого добра. Я запер все окна и задернул шторы. Кроме того, я наткнулся на коробку конфет «Сладкая Любовь» и прямо сейчас я перемалываю вишневую начинку, и мой рот полон мягкого, сладкого, сочного шоколада. Время от времени они подходят к двери, стучат, кричат, и молят. О да, теперь они запели совсем другие песни. А я в ответ лишь наигрываю им мелодии на пианино – пусть знают, что дух мой высок.